

Женька, сидя напротив меня, торопливо уминала торт и время от времени ухмылялась, весело поглядывая по сторонам. Дураку ясно, у нее припасена какая-то сногшибательная новость, однако я из принципа вопросов не задавала. По-моему, это ужасное свинство — заставлять людей изнывать от любопытства. Женька запихнула в рот кусок торта, вытерла руки салфеткой, уставилась в потолок и вдруг заявила:

— Старичок объявился.

— Какой старичок? — не сразу поняла я.

— Ну этот, из Анапы, помнишь?

Тут я, конечно, вспомнила. Женька отдыхала в Анапе полтора месяца назад и там умудрилась познакомиться с подозрительным типом. Во всяком случае, лично мне он сразу показался таковым. Но Женька, распинаясь со мной по телефону битый час, утверждала, что он душака, милый старикан, так красиво ухаживает за ней, рук не тянет и вообще — джентльмен. На мой же прямой вопрос: «Сколько лет старцу?» — она отвечала весьма туманно, и я всерьез забеспокоилась, потому что Женька пребывала в затяжной депрессии в связи с тем, что ее очередной любовный роман приказал долго жить. В таком состоянии она запросто могла

выскочить замуж за какого-нибудь слабоумного старичка просто из вредности.

Когда я уже готова была лететь в Анапу, чтобы разузнать на месте, что за чертовщина там происходит, Женька, позвонив в очередной раз, с некоторым недоумением в голосе сообщила, что старец предложил ей работу.

— Пошли его к черту, — рявкнула я в ожидании самого худшего, но Женька миролюбиво попросила:

— Да уймись ты, Анфиса. — И добавила: — Он хочет, чтобы я написала его автобиографию.

— Автобиографию? Ведь автобиографию пишут сами... — озадачилась я.

— Ну... Сейчас мало кто сам пишет, так что нечего дурочкой прикидываться. Я излагаю за дядьку поучительную историю его жизни, а он мне платит бабки. Дядьке хорошо, мне хорошо, человечество вообще в восторге.

— Постой, а кто он такой, этот старец? Политик, артист?

— А черт его знает? По-моему, жулик, хотя говорит, что бизнесмен. Какая разница?

— Особой разницы я между бизнесменом и жуликом действительно не вижу, но для тебя разница все-таки есть.

— В самом деле? Интересно, — съязвила Женька, хотя отлично знала, что я имею в виду.

— Делай что хочешь, — отрезала я, а подружка принялась канючить:

— Ну чего ты, Анфиса, там даже имени моего не будет, а бабки приличные.

— Делай что хочешь, — повторила я и бросила трубку.

На следующий день Женька позвонила опять,

но о старичке больше не заговаривала, и я понемногу успокоилась, а потом вовсе думать о нем перестала. Хотя, когда Женька вернулась из Анапы и я выяснила ее как следует, дала задание своему супругу, полковнику спецназа, разузнать, что за старичок такой отдыхал в Анапе. Ромка задание выполнил, но обилием сведений не порадовал. Сморщив нос, он заявил:

— Тот еще тип. — И удалился, оставив меня изнывать от беспокойства и любопытства.

К тому моменту Женька помирилась со своим возлюбленным и даже заявила, что вновь хочет выйти за него замуж. Я окончательно успокоилась и о старичке больше не вспоминала. И вот теперь она говорит, что он объявился, и это через день после того, как Женька в очередной раз поссорилась с возлюбленным. Теперь вы поймете, отчего я так разозлилась и даже испугалась, но, стараясь держать себя в руках, спросила как можно спокойнее:

— И что ему нужно?

— У него навязчивая идея оставить потомкам свою автобиографию.

— Вот пусть сам ее и пишет, — не выдержала я.

Женька кивнула, точно соглашаясь, уставилась в окно и вдруг заявила:

— У меня отпуск до десятого сентября. Делать мне, сказать по правде, совершенно нечего, а деньги очень приличные. Вот я и подумала, не махнуть ли мне к дядечке? Книгу я, может, и не напишу, зато отдохну на дармовщинку.

— Полетишь в Анапу? — нахмурилась я.

— Не-а, у него дом где-то на Ладогe. Прикинь, русский Север, острова, озера, Валаам, Кижы.

— При чем здесь Валаам? — начала паниковать я.

— При том, что ты меня не слушаешь. У дядьки дом на одном из островов Ладожского озера. Их там тьма-тьмушая, и дядя взял да и прикупил один.

— Остров прикупил? — вытаращила я глаза.

— Анфиса, ты сейчас на филина похожа. Ну, может, не прикупил, но дом на острове построил. Ты когда-нибудь была на Валааме?

— Нет, — испуганно пожала я плечами, потому что в географии была не сильна и русский Север для меня заканчивался в окрестностях Петербурга.

— Говорю, островов там полно, и дядька на одном из них купил или построил дом. Пригласил в гости, мол, поговорим по душам, он мне свою жизнь красочно обрисует, а уж там решим: берусь я за его биографию или нет.

— По-моему, это чушь какая-то, — не выдержала я.

— Почему чушь? — обиделась Женька. — Я что, по-твоему, могу только про кошек и собак писать? Между прочим, я журналист в родном городе не последний и биографию любого хмыря состряпаю в лучшем виде.

— Но, Женечка, — испуганно втянув голову в плечи, пролепетала я, — этот дядька жутко подозрителен. Ромка сказал: тебе надо держаться от него подальше, а Ромка знает, что говорит.

— Заколебала ты меня со своим ментом, — грозно насупилась подружка. — Надо собственным умом жить. И вообще...

— Ты уедешь на этот русский Север, а я здесь свихнусь от беспокойства, — накинулась я на Женьку и даже хлопнула ладонью по столу, да так, что чашка подпрыгнула. — Если тебе совершенно наплевать на мое...

— Ты можешь поехать со мной, — вкрадчиво за-

метила подруга, лучисто улыбнулась и торопливо продолжила: — Рукопись в издательство ты отправила, новую повесть не начала, Ромка твой в Моздоке и явится не скоро, сидеть дома тебе вовсе без надобности, а новые впечатления дадут толчок твоей писательской фантазии, ты придумаешь что-нибудь потрясающее. Представь: остров, одинокий дом — и вдруг убийство. Подозреваются все, а тут еще буря, и герои отрезаны от всего мира.

— Какая буря? — скривилась я. — Там же озеро.

— Ну и что, озеро большущее, это тебе не наше Глубокое, и бури там есть, точно есть, обязательно должны быть бури. — В этом месте Женька совершенно неожиданно заголосила: — «Эй, баргузин, пошевеливай вал, слышатся грома раскаты...»

— Баргузин — это ветер, — разозлилась я. — Действие происходит на Байкале, и при чем здесь буря?

— А гроза? Грозы тебе мало? — рявкнула Женька, и мы примерно с полчаса препирались по этому поводу и пытались блеснуть друг перед другом знанием географии, выдохлись и далее пили чай молча.

Все, что говорила Женька, казалось мне страшно глупым. Но, сообразив, что подруга от дурацкой затеи не отступится, я начала подумывать, что ничего особенного меня в родном городе действительно не держит. Ромка в Моздоке и раньше чем через две недели не вернется, работа над очередной детективной повестью в самом деле закончена, повесть получилась, на мой взгляд, удачной, и не грех мне недельку отдохнуть. Да и Женька будет под присмотром.

— Я сказала, что мы вдвоем приедем, — разливая чай, сообщила подруга. — Расписала тебя в

лучшем виде, мол, известная писательница, автор детективных повестей...

— Я не поеду, — сразу же разозлилась я.

— Ромку своего боишься? — съязвила Женька.

— При чем здесь это?

— При том. Твой муж — ревнивый сукин сын, а ты, раба божья Анфиса, ему еще и потакаешь. Он на тебя пояс верности не надевает?

— Прекрати немедленно, — рассвирепела я. — Ромочка мне доверяет и вообще... просто у него характер...

— Вот-вот. Спорим, как только ты ему скажешь, что уезжаешь, он заорет так, что телефонная трубка пополам переломится.

— А вот и не заорет, — возразила я, не подумав о последствиях, а подлая Женька подвинула мне телефон и ядовито предложила:

— Давай проверим.

Закусив губу, я торопливо набрала номер и ждала до тех пор, пока на том конце провода грозно не рявкнули:

— Громов слушает.

— Ромочка, — пискнула я. — Это Анфиса.

— Где тебя носит? — заворчал муж. — Я звонил два раза, в десять ноль-ноль и в двенадцать тридцать.

— В десять я была в магазине, а в половине первого ходила к стоматологу. Ты забыл, у меня же зуб болел.

— Как зуб? — поинтересовался Ромка, немного понизив голос и уже гораздо ласковее. Мы поговорили о моем зубе, после чего я тихо сказала:

— Ромочка, я ужасно скучаю.

Муж вздохнул так, что на моих глазах мгновенно выступили слезы.

— Я тоже. Вот так бы все бросил и с первым же самолетом... Потерпи, солнышко, две недели — самое большое, Михалыч твердо обещал. И месяц отпуска. — Ромка стал расписывать, как мы проведем отпуск.

Женька ухмылялась, а я покраснела, но сообщить Ромке, что подружка сидит напротив и все слышит, не рискнула. Евгения Петровна действовала на Ромку, как красная тряпка на быка, а волновать его сейчас не следовало, поэтому программу отпуска я полностью одобрила, всхлипнула и заявила:

— Мне без тебя очень плохо. — Что с моей стороны было форменной гнусностью: мне плохо, а Ромке в Моздоке хорошо?

— Детка, ну потерпи, — чуть не плача попросил он. — Звони мне почаще, и я тебе звонить буду. Погода у вас хорошая? Сходи на пляж, съезди в Москву к маме, Женьку с собой возьми, ей все равно заняться нечем, слышишь, зайчонок?

— Слышу, — вздохнула я. — Женька звала меня к друзьям, на Валаам. Русский Север, говорит, красота, я там никогда не была...

— Тебе хочется поехать?

— Не знаю... — Я вторично вздохнула.

— А что за друзья?

— Я не спрашивала.

— А позвонить оттуда можно? — насторожился Ромка.

— Наверное.

— Вот что, зайди к Витальке, возьми у него соловей. Я ему позвоню. Черт знает, может, на этом Валааме отродясь про телефоны не слышали. Когда поедешь?

— Я еще ничего не решила, — торопливо сказа-

ла я и добавила: — Я люблю тебя. — Ромка охотно поддержал тему, и мы еще болтали минут пять, после чего тепло простились.

Я повесила трубку, Женька с усмешкой пожала мне руку:

— Можешь, когда хочешь. Ну что, завтра отчалим?

— Почему завтра? — запаниковала я.

— А чего тянуть? Раньше отчалим, раньше вернемся. Это ты свободный художник, а у меня отпуск не резиновый.

Я печально разглядывала стену напротив. Вышло, что ехать в самом деле придется, раз уж Ромка против обыкновения благословил меня, разумные аргументы исчерпаны, да Женька их все равно не стала бы слушать. В общем, я согласно кивнула, правда, без видимой охоты.

— Собирай вещи, — засуетилась подружка и вскоре отбыла к себе.

Правда, в течение вечера она раз пять звонила по телефону, и мы провели расширенные консультации на тему: что следует взять в дорогу? В результате вещей набралось предостаточно, поэтому я ничуть не удивилась, когда Женька появилась у меня в восемь утра в сопровождении рослого молодого человека, оказавшегося водителем такси, руки которого оттягивали два устрашающего объема чемодана. На лбу парня выступил пот, дышал он с трудом, а от чемоданов избавился с заметным облегчением и тут же испарился.

Я уставилась на два кожаных монстра, один был ядовито-зеленого цвета, другой ярко-желтого — и мысленно скривилась: Женькины вкусы неизменно вызывали у меня недоумение.

— Барахло собрала? — проявила она интерес, включив электрочайник.

— Собрала, — кивнула я и вздохнула, пытаюсь сообразить, как мы все это потащим, потому что и у меня стояли наготове два чемодана, правда, значительно меньшие по объему и приличного темно-синего цвета, но, к сожалению, жутко тяжелые. И тут меня озарило. — А как мы будем добираться до этих самых островов? — задала я вполне здравый вопрос.

— Я все устроила, — осчастливила меня Женька. — Позвонила старичку, он жуть как обрадовался. Прикинь, он твои книжки читал... ни за что бы не подумала...

— Почему это? — на всякий случай нахмурилась я.

— Ну... не похож он на человека, который книжки читает, если эта самая книжка не его собственная автобиография, но ведь она-то еще не написана. Короче, он рад и счастлив. Высылает за нами тачку, на ней мы прибудем в город... черт, забыла, как называется, название вроде финское, а может, не финское, у меня на бумажке записано... В общем, приезжаем туда, а на остров, само собой, на катере или на пароходке, его тоже за нами пришлют. Скажи, класс. А твоя тачка постоит в Питере на стоянке, и это не будет стоить тебе ни копейки, потому что дядя за стоянку сам заплатит.

Из всей Женькиной тирады я услышала лишь «твоя тачка» и сразу же запаниковала. Мой «Фольксваген» был подарен мне отчимом, депутатом Российского парламента, и хоть машина новой не была, но выглядела вполне прилично, и я ею очень дорожила, неизменно пресекая все попытки подружки использовать мою собственность в корыстных целях. (Свою машину Женька давно разбила, и у меня всякий раз ныли зубы, когда она садилась за

руль моего «Фольксвагена». К счастью, случилось сие исключительно редко.) Меня даже оторопь взяла, и я спросила немного невпопад:

— При чем здесь моя машина?

— А на чем мы в Питер поедем? — удивилась Женька.

— На поезде, — ответила я, покосилась на наши чемоданы и опять запаниковала.

— Вот-вот, — вздохнула Женька. — Куда мы с этим барахлом? Нет, голуба, двигаем на твоей тачке.

— Мы могли бы... — пискнула я, но под строгим подружкиным взором враз присмирела и обреченно кивнула.

С великим трудом мы спустили вещи вниз. Я не приминула заметить, что Женькины чемоданы таскать туда-сюда было без надобности, и подогнала свой «Фольксваген» к подъезду. Мы загрузили чемоданы, и я поехала к Витальке, Ромкиному приятелю и сослуживцу, который с тяжким вздохом и без видимой охоты вручил мне свой сотовый со слезной просьбой его не потерять. Мы устроились в машине вторично, Виталька вышел нас проводить, а Женька, махнув ему рукой, сказала:

— Ну, с богом.

Как выяснилось впоследствии, господь своего благословения на эту поездку не давал, должно быть, в тот момент занятый делами поважнее, но, отбывая из нашего славного города, мы об этом еще не знали, хотя нечто напоминающее предчувствие шевельнулось во мне, но Женька по обыкновению принялась трещать, и я как будто успокоилась.

Поездка прошла без приключений, и на следующий день Санкт-Петербург встретил нас проливным дождем.

— Вот чертова погода, — пробурчала подружка, морща нос и глядя в окно.

— А что там, на русском Севере, так же скверно? — проявила я интерес.

— А я почему знаю, — вздохнула Женька. Такое ее заявление вызвало у меня недоумение: обычно она все лучше всех знает.

— Где нас ждет твой дядька? — спросила я.

— На Васильевском острове. Только торопиться ни к чему, у нас еще полно времени. Можно взглянуть на город, Северная столица все-таки.

Где-то через полчаса дождь кончился и выглянуло солнышко, мы заметно приободрились и провели обзорную экскурсию. Пообедали в кафе на улице Пестеля и дружно взглянули на часы. До встречи оставалось еще больше часа.

— Здесь Русский музей неподалеку, — подумав, заявила Женька. Про Русский музей я знала не хуже ее, потому что в Питере бывала неоднократно и с местными достопримечательностями знакомилась.

— Может, сразу на Васильевский, вдруг машина раньше прибудет? — внесла я разумное предложение.

— У человека должна быть тяга к прекрасному, — фыркнула Женька.

— Что ты там увидишь за час? — разозлилась я.

— Уж что-нибудь ухватить успею, — упрямылась подружка, и она, конечно, победила.

Через десять минут мы тормозили у ступеней музея, пристроившись в хвосте вереницы машин таких же, как мы, любителей искусства.

По музею подружка носилась как фурия и умудрилась обежать все залы, потратив на это ровно час. Мы встретились в вестибюле, Женька изрекла что-